

УДК: 800. 6

НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ И ИХ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Г.В. Синекопова

*кандидат социологических наук, доцент
e-mail: ban@yandex.ru*

Чини, Восточно-Вашингтонский университет

Идея, согласно которой частные индивиды собираются вместе в публичное формирование, кристаллизованная в понятии публичной сферы, предложенном Ю. Хабермасом, сегодня подвергается переосмыслению. В настоящей статье предпринимается критический анализ нормативных основ данного конструкта. В частности, выделяются четыре базы, лежащие в основе публичной сферы, а также намечаются их явные или возможные последствия. В статье концепт публичной сферы рассматривается как идея, которая продолжает вызывать противоречивые, но продуктивные мнения.

Ключевые слова: публичная сфера, нормативные основы, базы, историзация, логоцентризм, автономность, прозрачность.

Важность общественного мнения в функционировании общества отмечалась многими мыслителями, что нашло отражение в ряде теорий социологической и коммуникативной направленности [Splichal 2001]. Во второй половине 20 века интерес к роли общественного мнения был стимулирован публикациями Ю. Хабермаса, который концептуально оформил процесс слияния частных субъективностей в риторически персонифицированную общественность в понятии публичной сферы [Habermas 1989]. Данный процесс основывается на коммуникативной рациональности как динамической интересубъективной конструкции.

Понятие публичной сферы стало одним из ключевых при анализе проблем и перспектив формирования гражданского общества [Welton 2001]. Так, в одной из своих работ [Habermas 1996] Ю. Хабермас развивает идею коммуникативной рациональности, демонстрируя ее потенциал в условиях постмодерна. Согласно Ю. Хабермасу, гражданское общество включает в себя постоянно возникающие ассоциации, организации и движения, которые резонируют с тем, что происходит в сфере частной жизни, усиливая и посылая все это в публичную сферу [Habermas 1996: 367]. Тем самым гражданское общество напрямую связывается с публичной сферой; как отмечает сам Ю. Хабермас, коммуникативная структура публичной сферы сохраняется («kept intact») лишь благодаря энергичному гражданскому обществу [Habermas 1996: 369]. Политическую культуру граждан, таким образом, можно отождествить с их активным участием в функционировании публичной сферы.

В то же время идеи Ю. Хабермаса выходят за рамки обсуждения роли публичной сферы в формировании демократических основ общества, поднимая целый ряд ключевых вопросов социально-философской и гуманитарной направленности, таких как свобода, ответственность, нормы, знания, репрезентация и т.д. Не случайно его фундаментальный проект, который наиболее часто отождествляется с теорией коммуникативного действия [Habermas 1984], привлекает большое количество

дисциплин, например, аналитическую философию, классическую социологию, герменевтику, феноменологию. При этом проект Ю. Хабермаса является целостной и оригинальной теорией, в качестве фундамента которой можно рассматривать нормативные основания публичной сферы, позволяющие субъектам генерировать универсальные структуры рациональности и тем самым участвовать в создании и поддержании активного гражданского общества.

Нормативные основания публичной сферы затрагиваются в ряде научных работ [Soules 2004]. Например, в одной из этих работ [Dahlberg 2001] выделяется набор из шести нормативных условий для функционирования публичной сферы. Во-первых, публичная сфера должна существовать как образование, автономное по отношению к государству и экономическим структурам. Иными словами, дискурс публичной сферы приводится в движение не административно-экономическими механизмами, а механизмами исключительно коммуникативной направленности, представляющими интересы всех граждан. Во-вторых, в процессе образования публичной сферы субъекты выдвигают значимые претензии, которые по определению допускают критическое их рассмотрение, т.е. происходит обмен разумными позициями. В-третьих, публичная сфера включает в себя элемент саморефлексии, без которой не может существовать обмена значимыми претензиями, поскольку для этого требуется, чтобы каждая личность умела как бы дистанцироваться от себя самой. В-четвертых, участники публичной сферы должны уметь обмениваться друг с другом своими ролями. В-пятых, искренность является неотъемлемой частью всего коммуникативного процесса, осуществляемого в публичной сфере, подчеркивающей важность намерений каждого участника. И в-шестых, равенство и дискурсивная инклюзивность провозглашаются в качестве одной из основ публичной сферы.

В последнее время понятие публичной сферы начинает подвергаться переоценке. Причинами такого пересмотра являются, в первую очередь, широкое распространение новых коммуникативных технологий, с одной стороны, а с другой – фрагментация самой публичной сферы, ее распадание на целый ряд «маленьких сфер» (ср. [Gitlin 1998]). Сам Ю. Хабермас, кстати, отмечает расширение и дифференциацию публичных сфер [Habermas 1994: 8]. Как представляется, переоценка понятия публичной сферы должна включать прежде всего критический анализ ее нормативных оснований, что и составляет основную задачу данной статьи.

Учитывая как сами работы Ю. Хабермаса, в которых были заложены основные идеи публичной сферы, так и их развитие в работах последователей ученого, можно выделить, как представляется, по крайней мере четыре краеугольных камня, составляющих нормативные основания концепции публичной сферы. В данной статье каждое из таких оснований будет рассмотрено отдельно, а также будут кратко рассмотрены последствия, прямо или косвенно ими вызванные. Следует подчеркнуть, что данное рассмотрение носит критический характер, т.е. представляет собой попытку идентифицировать нормативные основы публичной сферы и выявить последствия их манифестации.

В качестве первого краеугольного камня публичной сферы, как представляется, следует отметить ее автономную природу. Это отнюдь не означает, что данная природа была эксплицитно провозглашена Ю. Хабермасом; тем не менее вся риторика его проекта строится на данном допущении. Прежде всего, разделение между системой и «живым миром» (lifeworld) носит категорический характер. Система, существующая благодаря логике государства и экономических интересов, рассматривается как угроза для «живого мира», который воспроизводит себя лишь путем коммуникативного действия (ср. [Арато 1995]). В этом же духе проводятся различия между производством и общением, а также между когнитивно-инструментальной рациональностью и

коммуникативной рациональностью. Не удивительно, что с этих позиций развитие общественной сферы, как части «живого мира» позднее, согласно Ю. Хабермасу, приходит в упадок, по мере того как в нее все более вторгаются элементы потребления благодаря средствам массовой коммуникации, превращая общество в жертву манипулирования, частью которой становится лишь потребление (знаковой продукции). Как известно, Ю. Хабермас под трансформацией публичной сферы изначально подразумевал именно ее перерождение из классической, либерально-буржуазной сферы рационального обмена мнениями в современную арену, на которой силы, представляющие интересы государства и экономических структуры, разыгрывают шоу, поглощаемые публикой.

Не удивительно, что допущение автономного существования публичной сферы обернулось своеобразной трактовкой ее природы, а именно негативным подходом к определению ее роли. Действительно, определить природу публичной сферы можно, лишь противопоставив ее системе (государства и экономических структур), т.е. по сути дав ей негативное, отрицательное определение, ср. «публичная сфера – это сфера, не (sic!) входящая в систему». Можно отметить параллель между таким негативным определением публичной сферы и так называемой «отрицательной свободой», которая отождествляется со свободой *от* всяких ограничений (см. [Berlin 1984]). Само по себе такое определение не должно вызывать особых замечаний, т.к. оно, действительно, вскрывает часть механизма публичной сферы. Однако следствием такого определения становится факт, что, в данной трактовке позиции субъектов, не разделяющих идею структур коммуникативной рациональности, позволяющих прийти к взаимопониманию, априори оказываются за рамками публичной сферы, как бы подчеркивая тем самым ее эксклюзивный характер. Именно поэтому раздаются призывы пересмотреть нормативные основания публичной сферы и выработать ее положительное (позитивное) определение, т.е. объяснить, как другие позиции могут быть включены в формирование публичной сферы [Happ 1996: 22].

В качестве следующей базы публичной сферы можно выделить ее историзацию. Историзация заключается в том, что социальные явления получают рассмотрение и интерпретацию на основе определенного исторического фона [Pinter 2004: 220]. С этой точки зрения риторика публичной сферы явно носит историзационный характер, представая в виде дискурсионного острова, образовавшегося в Европе, когда буржуазная публика проявила готовность участвовать в рациональном диалоге с целью выработки универсальных структур рациональности. Соответственно, понимание Ю. Хабермасом публичной сферы признается попыткой сугубо интранациональной [Lee 1998: 372]. Действительно, в его трактовке публичная сфера получает историческое заземление в рамках европейских наций-государств 18 века.

Легко заметить, что следствием такой трактовки публичной сферы является своеобразный этноцентризм, а точнее – европоцентризм. В этой связи становится понятной критика данной трактовки со стороны ряда ученых. Прежде всего, отмечается, что Ю. Хабермас не учел многочисленных трактовок публичной сферы (пусть и не пользующихся самим термином), которые существовали до него [Dean 2001: 244-245]. Кроме того, отмечается необходимость учета корней публичной сферы, которые уходят в древнюю Грецию (см. [Arendt 1958]). И, что совсем не удивительно, европоцентризм трактовки публичной сферы подвергается критике со стороны ученых-специалистов в области не западной истории, работающих прежде всего в области восточных теорий [Li 1999]. Таким образом, попытка историзации публичной сферы имеет ряд последствий, которые необходимо учитывать при пересмотре нормативных оснований данного понятия.

Еще одной базой публичной сферы можно считать допущение ее прозрачности. Как известно, в трактовке Ю. Хабермаса публичная сфера предстает как идеальная речевая ситуация. Идеальный характер публичной сферы заключается в его принципиальной диалогичности, т.е. готовности и стремлении всех его участников совместно строить и реконструировать аргументированный дискурс, с тем чтобы найти оптимальное соотношение общественной и частной составляющих.

Публичную сферу правомерно рассматривать как идеальную речевую ситуацию, однако не в том смысле, что согласие его участников является predetermined, а в том, что все участники заинтересованы в ее функционировании и способны на интегративном уровне рефлексии строить и реконструировать аргументированный дискурс. «Поскольку любая рефлексия может быть реконструирована как внутренний дискурс, то можно говорить о том, что в рефлексии разумной, дистанцированной от себя личности отражается рациональность, которая сущностно присуща структуре и процессу аргументации» [Соболева 2003: 3]. Ю. Хабермас в своих работах пытается выделить именно такие структуры отражения рациональности, которые имели бы универсально-прагматический характер.

Однако интерпретация публичной сферы как идеальной речевой ситуации этим не должна ограничиваться. Следует помнить, что изначально публичная сфера была связана с функционированием «живого мира», а система (денег и власти) была связана с действием направляющих медиасистем («steering media»). В свою очередь центральной чертой «живого мира» выступает язык, тем самым встроенный в структуру коммуникативного действия [Habermas 1998: 360]. Насколько с подозрением (по крайней мере, изначально) Ю. Хабермас относился к новым коммуникативным технологиям, разделяя взгляды Франкфуртской школы, настолько же доверительно он относился к природе и роли речи, которая призвана, с его точки зрения, презентировать явления наиболее объективно благодаря своей прозрачности. Такой прозрачностью в особенности обладает устная речь, которая по своей природе, как кажется, лишена субстанциональности и в силу этого может обеспечить непосредственность восприятия тех значимых претензий, которыми обмениваются участники публичной сферы. Именно поэтому Ю. Хабермас считал, что публичная сфера может формироваться наиболее эффективно на основе устного диалога, строящегося по законам универсально-рациональной аргументации.

Такая трактовка публичной сферы, подчеркивающая ее идеальность в виде прозрачности, заключающейся в устной речи, уходит корнями к риторическим воззрениям Платона, согласно которым (устная) речь заключает в себе суть явлений. Следствием такой трактовки является своеобразное отношение к любым средствам массовой коммуникации, которые оказывают влияние на формирование публичной сферы. Так, средства массовой информации легко отождествить с процессом манипуляции общественным сознанием и даже нарушением «естественного порядка», который существует лишь при традиционном государственном устройстве. Лишь традиционное общество представляется как естественное, т.е. полностью прозрачное. В такой трактовке монархическое государство предстает как более демократическое, т.е. власть монарха открыта и не нуждается в манипуляции, которая возникает в буржуазном обществе – в первую очередь благодаря менее прозрачным средствам массовой коммуникации. Таким образом, допущение прозрачности публичной сферы как одно из ее нормативных оснований имеет своеобразные последствия. Тем не менее роль средств массовой информации в формировании общественного мнения носит неоднозначный и сложный характер (ср. [Грабельников 2001]).

И наконец, можно выделить еще одно нормативное основание публичной сферы, которое состоит в ее логоцентризме. Как известно, логоцентризм заключается в

допущении возможности достичь неизменное знание, суть которого содержится вне дискурса как такового. Поиск данной истины (telos) и составляет основу процесса формирования публичной сферы (включая также основы автономности, историчности и прозрачности, выделенные выше). Риторически данный поиск получает концептуальное воплощение, например, в принципе совершенства [Burke 1950]. С этих позиций публичная сфера предстает в виде своеобразного горизонта, который, однако, может и должен быть рано или поздно достигнут. Не удивительно поэтому, что следствием такой трактовки становится подход к публичной сфере как к телеологическому процессу. Часто публичная сфера рассматривается как несовершенный проект, т.е. еще не совершенный (еще не законченный). Например, мы читаем, что цель построения публичной сферы еще не достигнута [Soules 2004] или же что процесс складывания гражданского общества еще не завершен [Краснов 2004].

Таким образом, в данной статье были выделены четыре краеугольных камня, которые могут быть рассмотрены в качестве основания концепции публичной сферы. Кроме того, были обозначены последствия, прямо или косвенно вызванные данными основаниями. В целом, была предпринята попытка идентифицировать нормативные основы публичной сферы и выявить последствия их манифестации. Данная попытка является частью общего пересмотра понятия публичной сферы, который можно наблюдать в настоящее время.

Следует отметить, что сам Ю. Хабермас участвует в этом пересмотре, развивая свои оригинальные идеи. Например, в одной из более поздних работ [Habermas 1996: 374] он представляет более сложную трактовку публичной сферы, выделяя три вида ее составляющих с точки зрения плотности коммуникации – «эпизодическую» публику (собрания ad hoc в тавернах, на улице и т.д.), «окказиональную» публику (собрания в театрах, церквях, на концертах и т.д.) и «абстрактную» публику (физически разьединенных участников коммуникативной ситуации). Можно заметить, что данные виды перекликаются с эпохами развития общения по М. Маклюэну, основанными на оральном, визуальном и электронном средствах коммуникации. Важно, однако, отметить не количество составляющих публичной сферы, а то, что границы между ними носят уже пористый характер. Было бы интересно проследить, во что выльется критический анализ нормативных оснований публичной сферы, учитывающий работы последних лет, включая и данную статью. В одной из наших следующих публикаций мы проследим тенденции обсуждения публичной сферы и постараемся обозначить пути ее конструктивного анализа.

Библиографический список

- Арато А. Концепция гражданского общества: Восхождение, упадок и воссоздание – и направления для дальнейших исследований // Полис. – 1995. – № 3(6).
- Грабельников А.А. Массовая информация в России от первой газеты до Информационного общества: Дисс. ... док. ист. наук. – М., 2001.
- Краснов Б. Современные взгляды на гражданское общество, взаимодействие с государством: Материалы семинара гражданское общество и общественное развитие http://www.milrf.ru/conference/cm_0105/01ru_krasnov.htm
- Соболева М. К концепции философии языка Юргена Хабермаса http://www.Ruthenia.ru/logos/number/2002_02/07.htm
- Arendt H. The human condition. – Chicago: Chicago University Press, 1958
- Berlin I. Four essays on liberty. – Oxford-New York: Oxford University Press, 1984.

- Burke K. A rhetoric of motives. – Berkeley: University of California Press, 1950.
- Dahlberg L. Computer-mediated communication and the public sphere: A critical analysis // JCMC. – 2001. – № 7 (1).
<http://www.ascusc.org/jcmc/vol7/issue1/dahlberggold.html>
- Dean J. Cybersalons and civil society: Rethinking the public sphere in transnational technoculture // Public Culture. – 2001. – №13 (2). – P. 243: 265. .
- Gitlin T. Public Speher or Public Spehricules? // Liebes T., Curran J. (Eds.). Media, Ritual and Identity. – London and New York: Routledge, 1998. – P. 168-174.
- Habermas J. The theory of communicative action. Reason and the rationalization of society. (T. McCarthy, Trans., Vol. 1). – Boston: Beacon Press, 1984.
- Habermas J. The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. – Cambridge: Polity, 1989.
- Habermas J. Three models of democracy // Constellations. – 1994. – № 1.
- Habermas J. Between norms and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy. – Cambridge: MA: MIT Press, 1996.
- Habermas J. Between facts and norms. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1998.
- Hann C. Introduction: Political society and civil anthropology. In C. Hann & E. Dunn (Eds.). Civil society: Challenging western models. – London: Routledge, 1996. – P. 1-26.
- Li C. The Tao encounters the West: Explorations in comparative philosophy. – Albany, NY: State University of New York Press, 1999.
- Pinter A. Public sphere and history: Historians' response to Habermas on the «worth» of the past // Journal of Communication Inquiry. – 2004. – № 28(3). – P. 217-232.
- Soules M. Jürgen Habermas and the public sphere. 2004.
<http://www.mala.bc.ca/~soules/media301/habermas.htm>
- Splichal S. (Ed.). Public opinion and democracy. – Cresskill, NJ: Hampton Press, 2001.
- Welton M. Civil society and the public sphere: Habermas's recent learning theory // Studies in the Education of Adults. – 2001. – № 33(1). – P. 20-34.